

МАТЕРИАЛЫ СИМПОЗИУМА ИСТОРИКОВ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. И. Бродский

ПРОРОЧЕСТВА И ИСТОЛКОВАНИЯ (Памяти Угроза Богдановича Световостокова)

Хорошо составленные пророчества не могут не сбываться. Это относится не только к величайшим пророчествам, вроде книги пророка Даниила или Откровения св. Иоанна, но даже к цыганскому гаданию на картах, если, конечно, гадалка обладает достаточным уровнем профессионализма. Мастерски выполненное пророчество говорит на языке таких символов и образов, которые могут быть применимы в принципе к любой ситуации. К какому бы времени или региону мы не отнесли то или иное предсказание, мы всегда найдем нечто, что может быть истолковано как свершение обещанных событий.

Я говорю это вовсе не из просветительского желания подвергнуть пророчества рациональной критики, а для того, чтобы обратить внимание на семантические особенности пророческих текстов. Можно согласиться с Ж. Делезом, который считал, что пророки – это «главные специалисты по знакам»¹. Знаменитые пророчества сродни великим произведениям искусства, которые потому и «вечны», что могут интерпретироваться по-разному и в каждую эпоху приобретают новый смысл.

В России расцвет пророческой и мистической литературы пришелся на эпоху царствования Александра I. «Тайное знание» того времени было в основном импортным. Большую популярность приобрели учения таких виднейших европейских мистиков, как Я. Беме, Э. Сведенборг, Ф. Фенелон; были переведены и изданы важнейшие сочинения Эккартсгаузена, И. Таулера, И. Госнера. Впрочем, появлялась и отечественная мистико-морализаторская литература. Увлечение мистицизмом охватило, как известно, даже высшие правительственные круги, включая самого императора Александра I.

---

¹ Делез Ж. Критика и клиника СПб., 2002. С.188.

Разумеется, мистическим воодушевлением была тогда охвачена не только Россия, но и Западная Европа. Мистицизм являлся неотъемлемой частью художественного и философского романтизма. «Романтизм – утверждал В. М. Жирмунский – является своеобразной ... формой развития мистического сознания»¹. И, обращаясь к европейской и русской мистической литературе той эпохи, мы неизменно наталкиваемся на образ «светоносного Востока» – излюбленного объекта всех романтических чаяний.

Среди мистических писателей, пользовавшихся особым авторитетом у немецких и русских романтиков, следует выделить вестфальского глазного врача, а по совместительству пиетиста, духовидца и пророка Иоганна Генриха Юнга-Штиллинга (1740-1817). В молодости Юнг-Штилинг был близок предромантическому литературному движению «Шторм и натиск», дружил с Гете, переписывался с Кантом. Его собственные сочинения, состоявшие в основном из моралистических наставлений и пророчеств, нередко принимали форму художественного повествования. В России первой четверти XIX века Юнг-Штилинг был чрезвычайно популярен. Все его книги были переведены на русский язык, в переписки с ним состояли многие высокопоставленные государственные деятели, духовная ученица Штиллинга г-жа Грюднер некоторое время играла заметную роль при русском дворе, а в 1814 году русское правительство ссудило Штилингу значительную денежную сумму, и сын мистика был принят в Петербурге на службу.

Особую популярность среди русских читателей получило сочинение Юнга-Штилинга «*Der graue Mann*», переведенное на русский язык известным российским мистиком, издателем «Сионского Вестника», писателем и переводчиком А. Ф. Лабзиным. В этой книге Штилинг собрал свои очерки, написанные в 1797–1805 гг.. Очерки объединяло то, что в них действовал один и тот же персонаж: некий загадочный человек, странствующий по охваченной войной Европе, угрожающий, пророчествующий и утешающий измученных бедствиями людей. *Der graue Mann* переводится на русский как *Серый человек*. Однако Лабзин счел такой перевод названия маловыразительным. *Серый* по-немецки означает так же *седой* и *угрюмый*, что вполне подходит к образу главного персонажа повести; но по-русски *серый* – это скорее *невежественный*, что уж никак не соответствует замыслу автора. Гораздо выразительней Лабзину показалось имя главного персонажа. Два немецких имени и фамилию Серого человека Лабзин перевел на русский;

---

¹ Жирмунский В. И. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1912. С.10.

получилось: *Угроз Богданович Световостоков*. *Угрозом* Серый человек назван потому, что угрожает погрязшему в грехах человечеству. *Богданович* он потому, что послан на землю не иначе как самим Богом. Фамилия же *Световостоков* указывает на родину Угроза Богдановича – Вечный Восток. В России повесть Юнга-Штиллинга вышла под названием «Угроз Световостоков».

«Я имею целью, – вещает Угроз Световостоков, – набирать воинов для рати Господней». Пришло время бед. И раньше бывали войны, голод и мор, но нынешнее время превзошло в этом отношении все прежние времена. «Не есть ли все это признак скорого избавления от всяких бед? Не должны ли мы тем более радоваться, что спасение наше так близко»¹.

Как и положено любому христианскому пророку, Угроз Световостоков занимается толкованием ветхозаветной книги пророка Даниила и Апокалипсиса св. Иоанна. В книге пророка Даниила вавилонский царь Навуходоносор видит во сне некое тело, голова которого золотая, грудь серебряная, спина медная, а ноги из железа смешанного с глиной. Четыре части тела – объясняет Угроз Богданович, – это четыре Царства, в плену которых находились евреи: Вавилон, Персия, Греция и Рим. Две ноги из железа и глины – это две части, на которые разделится Римская империя: Западная и Восточная. И сии ноги будут разбиты неким камнем, скатившимся с горы, в результате чего рухнет все тело.

Имеют ли отношение эти символы к современным событиям? Имеют, отвечает Угроз Световостоков, так как Римская империя существует и поныне. Ее западная часть – это современная Западная Европа, а Восточная – это то, что является в наши дни миром магометанским. И обе эти части современного Рима по всем признакам скоро должны будут рухнуть, что ознаменует собой конец земной, человеческой истории.

Те же царства Навуходоносор видит и в облике четырех зверей, выходящих из моря. Этих зверей мы встречаем и в Апокалипсисе. Последний зверь – это опять же Римская империя. И тут Угроз Световостоков рекомендует обратить внимания на рога последнего зверя. Среди десяти рогов зверя, символизирующих десять царств, входящих в Римскую империю, есть один «малый рог». Сей «малый рог» есть «рог греха человеческого», и он возрастет и будет превышать все остальные рога. Только в наши дни, уверяет Угроз Световостоков, окончательно прояснилось, что символизирует этот «малый рог». Он есть самое злейшее и самое

---

¹ Юнг-Штиллинг И. Г. Угроз Световостоков: В 3 ч. СПб., 1806. Ч.1. С.83.

влиятельное государство современного Рима, источник всех грехов, заблуждений и соблазнов. «Малый рог» – это Франция.

«Именно Франция, – говорится на страницах повести Юнга-Штиллинга, – всегда давала собой пример всем государствам и всегда была первой в модах, науках и в роскоши. Все другие земли подражали ей. А теперь там даже время переменялось (новый календарь) и законы переменяются. И уж дан образчик Страшного Царя – Робеспьер. Но скоро дойдет дело и до настоящего»¹. Имя настоящего царя в книге Штиллинга нигде не называется. Но у читателей не остается никаких сомнений: являющийся ныне во Франции Страшный Царь или Человек Греха есть никто иной, как Наполеон Бонапарт.

Конечно, в те годы не один Юнг-Штилинг утверждал, что Наполеон был предсказан. Европейские мистики находили французского императора то в ветхозаветных пророчествах, то в Откровении св. Иоанна, то в книге XVI в. «Liber Marabalis», приписываемой св. Сезеру, то в загадочном «Трактате пророчеств Оливария». Разумеется, и у Нострадамуса нашли предсказание, что, после периода «разграбления церквей и убийств священников», с острова вблизи Италии явится Некто, кто, воцарившись во Франции, зальет весь мир потоками крови. Характерно, что французский «магистр оккультных наук» Элифас Леви, писавший уже в эпоху правления племянника Наполеона I Луи Бонапарта (Наполеона III), найдет у того же Нострадамуса фразу: «И племянник завершит то, чего не сделал дядя»²... Как тут не вспомнить эпизод из «Войны и мира», в котором Пьер Безухов узнает от своих друзей-масонов, что Наполеон является Антихристом, так как, если выразить буквы французского алфавита в цифрах, то слова l'empereur Napoleon дают в сумме число Зверя – 666!

Но есть в Апокалипсисе один совсем уже странный зверь. Зверь этот имеет вид Агнца, но говорит он языком змея и рычит как лев (Отк. 13; 11). Как истолковать это загадочное существо? Зверь этот – объясняет Угроз Световостоков – духовная сила, которая поддерживает Римское царство, католическая церковь, паписты, монашеские ордена, особенно орден Иезуитов. «Но ведь иезуиты уничтожены!» – восклицают удивленные собеседники прорицателя. (Напомню, что в 1773 г. Общество Иисуса было распущено папой Климент XIV, и восстановлено лишь в 1814 г. Пием VII) «Ничего подобного», – отвечает Угроз. Иезуиты лишь спрятались и действуют теперь под видом иллюминатов, *Великого*

---

¹ Там же. С. 135.

² См.: *Леви Э.* Учение и ритуал. М., 2002. С.486.

союза просвещения, из которого вышло и Якобинство во Франции. А нынче иллюминаты-просветители вновь объединились с папистами. Воистину объединился Пилат с Иродом, чтобы явить миру Человека Греха! В этом месте повествования Юнг-Штилинг по видимому имеет ввиду то, что в 1801 году Наполеон заключил с папой Пием VII конкордат, восстановивший во Франции поверженную в годы революции католическую церковь.

В устах протестанта-пиетиста, каковым являлся Юнг-Штилинг, такая антикатолическая трактовка зверя, «имеющего вид Агнца», вполне понятна. Но она может подвергнуться и некоторому расширению... Через сто двадцать лет после выхода книги Юнга-Штилинга, на этого подозрительного Агнца обратит внимание Дэвид Г. Лоуренс в своих неистово-антихристианских комментариях к Апокалипсису. Только здесь уже зверь, «имеющий вид Агнца», окажется тождественным другому, главному Агнцу Апокалипсиса, Агнцу, который снимает печати с книг, и которые именуется «львом из колена Иудина» (Отк. 5;5-6). В «Апокалипсисе» от Лоуренса, эти два зверя сливаются. И напрасно св. Иоанн пытается нас уверить, что снимающий печати Агнец – действительно агнец! «Иоанн утверждает, – пишет Лоуренс, – что Агнец “как бы заклан”, но мы вовсе не видим, чтобы он был заклан; мы только видим его отправляющим на заклание миллионы... И даже когда в конце он является в победоносных окровавленных одеждах – это кровь не его»¹. В комментариях Лоуренса, зверь в шкуре Агнца является символом уже не какой-либо христианской концессии или монашеского ордена, а христианства в целом, христианства победившего, торжествующего и кровавого.

Но вернемся к комментариям Юнга-Штилинга. Иллюминаты-просветители (они же – замаскировавшиеся иезуиты) выдумали новое имя для тех, кто держится иного образа мысли: *обскурант*, то есть *затемнитель*. «И меня объявляют обскурантом, – жалуется Юнг-Штилинг Угрозу Световостокову, – и многих моих друзей»². Что означают сии слова? Иллюминат, – объясняет Угроз, – это человек, имеющий такие глаза, что нет ему нужды ни в солнце, ни в каком другом светиле, так как свет он пытается извлечь из себя самого, из собственного разума. Обскурант, напротив, не имеет никакого собственного света и видит лишь тогда, когда солнце осветит ему предметы, то есть когда разум его озарится божественным Светом с Востока. Все подлинные философы были в этом смысле обскурантами. «Самые великие философы

---

¹ Lawrence D. H. Apocalypse. N.Y.-L., 1974. P.59.

² Юнг-Штилинг И. Г. Ук. соч. Ч.3. С.4.

нашего времени, Кант и Фихте, доказали с математической верно-стью, что разум, за пределом видимого телесного мира, не может собственною силою находить никакие истины. То, что говорили Кант и Фихте, должно было бы немедленно обратить человеческий дух паки к истинному источнику всей истины, к Священному Писанию и Христу»¹.

Но сказано: отвалится от горы камень, и ударит он по железно-глиняным ногам великана, и рухнет все тело. Гора – это Сион. А камень называется Шилог, то есть *умиритель, примиритель*. И здесь Угроз Световостоков советуется вспомнить, что тело великана из сна Навуходносора – это еще не все человечество. За пределами прошлой и нынешней Римской империи есть иные земли и иные народы. Именно оттуда следует нам ждать спасения. «Из высоких, неприступных гор Востока прорываются ныне тихие ручейки, составляющие изрядный поток, который катится потихоньку вперед и подмывает кое-где кукольные трофеи и карточные домики господ просветителей»². Откуда же они, эти светлые ручейки? Кто те люди, которые несут свет с Востока? На страницах своей повести о Сером человеке, Юнг-Штиллинг, с необычной для такого рода сочинений откровенностью и конкретностью, заявляет: носителями спасительного света являются в нынешнее время *Моравские братья – гернгутеры*.

Здесь необходимо сделать некоторые пояснения. Моравские братья – религиозная секта, возникшая в XV веке, после разгрома гуситского движения. В XVII веке, после поражения Чешского восстания 1618 – 1620 гг., Моравские братья переместились в Саксонию, где, под покровительством графа Н. Л. Цинцедорфа, основали город Гернгут (Град Господен). Отсюда их позднейшее название: гернгутеры. Однако Юнг-Штиллинг считал происхождение Моравских братьев более древним. «Моравская Братская Церковь, – говорится на страницах Угроза Световостокова, – происходит непосредственно от древней Апостольской... Ее основание веры было, есть и будет Евангельским»³.

В гернгутерах Штиллиngu нравится все. Но «особливо достойно примечания внешнее учреждение и гражданское их общежительство, их церковная и гражданская полиция. Она не имеет подобных себе и содержит неоспоримо зародыш и основание будущего царствия Иисуса Христа на земле... Моравская церковь есть колена Иудово между двенадцати колен духовного Израиля. Когда

---

¹ Там же. Ч.2. С.251.

² Там же. Ч.3. С.279.

³ Там же. С. 233.

сие колено придет в движение, тогда будьте внимательны! Тогда мы все должны будем к нему примкнуть. Бдите и молитесь!»¹.

Итак, Юнг-Штиллинг находит для библейских пророчеств вполне конкретное и однозначное толкование. О чем это говорит? О том, что библейские символы слишком многозначны и могут быть истолкованы любым образом; или о том, что история представляет собой лишь постоянное воспроизведение неких прототипических ситуаций, описанных Священным Писанием? По-видимому, о том и о другом. Говоря точнее, библейская символика представляет нам столь обширное пространство для интерпретаций именно потому, что варианты исторических ситуаций не бесконечны. В конце XVII века алхимик-богослов Атанасиус Кирхер в сочинении «*Ars Magna Sciendi sive Combinatoria*» насчитал 3 628 800 возможных толкований библейских текстов. Я думаю, что это таинственное число, полученное с помощью замысловатых правил каббалистической комбинаторики, намного превышает количество всех возможных в нашей земной жизни ситуаций?

Но, если говорить серьезно, важнее подчеркнуть другое. Так ли уж отличаются эти пророчества от того, что предлагает философия истории Нового и Новейшего времени? Еще в середине XIX века социалист и атеист Пьер Прудон с сожалением говорил, что он сам, действуя в науке как материалист, то есть путем наблюдения и обобщения, выводы свои вынужден излагать на языке богословия, так как у нас просто нет другого языка. «Не ведаю, – писал он, – будут ли мои формулировки – теологичные вопреки моей воле – поняты буквально или фигурально, но... наши законы, наши идеи, наши языки и наши науки – все заражено этим суеверием, вне которого мы не в силах ни говорить, ни действовать, ни даже мыслить»². А в начале XX в. С. Н. Булгаков совершенно справедливо заметил, что «изобразить всю мировую историю как смену и борьбу нескольких апокалиптических зверей, это, по-своему, есть ведь такая же смелость логической абстракции и символизма, какую мы имеем в таких наших теперешних социологических понятиях, каковы «способ производства», «развитие производительных сил», феодализм, натуральное хозяйство, капитализм и т.д.»³. И в пророчествах и в философии истории мы имеем дело с абстрактным символизмом, без которого мы не смогли бы представить историю в качестве законосообразного процесса, имеющего ценностное содержание. В этом смысле, можно сказать,

---

¹ Там же. С.236.

² Цит по: *Абрамс М. Г.* Апокалипсис: тема и вариации // НЛЮ. 2000. №46. С.7.

³ Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм // *Булгаков С. Н.* Соч.: В 2 т. Т.2. М., 1993. С.384.

что для философии истории апокалиптика «имеет значение как бы формальной логики или учения об “основных категориях”»¹.

Альтернативу абстрактно-символическим (апокалиптическим и историософским) описаниям истории представляют восходящие к науке Нового времени причинно-следственные или каузальные ее описания. Каким преимуществом обладают они перед тем, что мы находим у мистиков, пророков или умозрительных философов? Бесспорно, что каузальные модели объяснения приближают историческую науку к стандартам рациональности, принятой в естественных науках. Однако для исторического мышления они чреваты и определенными потерями.

Абстрактно-символическое описание исходит – сознательно или бессознательно – из логико-телеологической модели, в которой причина и следствие связаны между собой как антецедент с консеквентом, и в которой каждое новое историческое состояние может быть выведено из предыдущего с логической необходимостью. Благодаря предельной многозначности пророческих символов или предельной абстрактности историософских категорий, каждое историческое состояние, обозначаемое тем или иным символом или категорией, может быть представлено как имплицитно содержащееся в предыдущем, в результате чего смена этих состояний – изображена ли она в виде выходящих из моря животных или, например, сменяющих друг друга общественно-экономических формаций – приобретает облик некой дедукции. Основным же признаком каузальных моделей является то, что, как показал еще Д. Юм, причина и следствие здесь не связаны между собой какими-либо логическими отношениями, являются логически независимыми друг от друга. Однако в исторических науках, которые не имеют дело с непосредственно наблюдаемыми фактами, каузальные модели делают любые объяснения малоубедительными. В свое время Р. Дж. Коллингвуд не без основания утверждал, что только концепции, согласно которым сменяющие друг друга исторические периоды связаны отношением логического следования, могут сделать историческое мышление доказательным. «Если... временная последовательность и логическое следование не имеют друг с другом ничего общего..., если временной ряд – просто совокупность несвязанных событий, мы никогда не смогли бы доказывать от настоящего к прошлому»². Таким образом, апокалиптические и историософские концепции истории бо-

---

¹ Там же. С.377.

² Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.106.

лее доказательны, чем научные. Одна беда: они *слишком* доказательны. Доказать здесь можно все, что угодно.

А «угодно» доказывать, как правило, то, что носит характер долженствования. Любое пророчество всегда стремится определить цели нашей деятельности. Причем определить эти цели оно старается так, чтобы они представлялись неизбежным и независимым от нашей воли результатом некоей исторической закономерности. Апокалиптика и историософия говорят о неизбежности выполнения нами некоей миссии. Говоря словами уже цитировавшегося выше С. Н. Булгакова, то, что в других случаях утверждается в действительном залоге и повелительном наклонении, «апокалиптиками выражается в страдательном залоге и желательном наклонении»¹. Но именно в сфере «страдательного» и «желательного» у пророков возникают разночтения истории и «конфликты интерпретаций».

А. Ф. Лабзин сопроводил свой перевод Штиллинга небольшими комментариями. Не оставил он без внимания и рассуждения о Моравских братьях. В том месте, где Штилинг говорит, что Моравская церковь восходит непосредственно к церкви Апостольской, Лабзин замечает, что начало христианству в Моравии, как и в России, положили Кирилл и Мифодий. Когда же Штилинг говорит, что мы все скоро должны будем присоединиться к гернгутерам, Лабзин советует читателям «оставить это утверждение на совести автора». Вообще-то весь характер перевода и комментариев позволяет предположить, что мнение Лабзин по вопросу, откуда же следует ожидать спасение и где находится светносный Восток, существенно расходится с мнением Юнга-Штиллинга. Здесь между автором и переводчиком явно имеет место «конфликт интерпретаций». Ведь недаром штиллинговский Серый человек получил русские имя, отчество и фамилию. Святой Восток, страна Вечного Утра, откуда текут «тихие ручьи» – это, конечно же, Россия, великое православное царство, расположенное вне пределов бывшей и нынешней Римской империи... В том самом году, когда Юнг-Штилинг завершил работу над своим «Der graue Mann», а Лабзин преступил к переводу этой книги, русские войска перешли границу с Австрией, чтобы соединиться с австрийскими частями близь городка Аустерлиц. Россия вступила в войну с Наполеоном.

Здесь снова стоит обратиться к уже упоминавшемуся эпизоду из романа «Война и мир». Узнав, что Наполеон – это Антихрист, Пьер Безухов начинает задавать себе вопрос о том, кто именно по-

---

¹ Булгаков С. Н. Ук. Соч. С.381.

ложит предел власти Зверя, кто остановит Наполеона. «Пьер написал в ответе на этот вопрос: l'empereur Alexandre? La nation Russe? Он счел буквы, но сумма цифр выходила гораздо больше или меньше 666-ти. Один раз, занимаясь этими вычислениями, он написал свое имя – Comte Pierre Bésouhoff; сумма цифр тоже далеко не вышла. Он, изменив орфографию, поставил z вместо s, прибавил de, прибавил article le и все не получал желаемого результата. Тогда ему пришло в голову, что ежели бы ответ на искомый вопрос и заключался в его имени, то в ответе непременно была бы названа его национальность. Он написал: «...le Russe Bésuhoff» и, сочтя цифры, получил 671. Только 5 было лишних; 5 означает «е», то самое «е», которое было откинута в article перед словом l'empereur. Откинув точно так же, хотя и неправильно, «е», Пьер получил искомый ответ: l'Russe Bésuhoff, равное 666-ти. Открытие это взволновало его». Как мы помним, эти вычисления предшествуют решению Пьера Безухова убить Наполеона.

После того как наполеоновская Франция была повержена, Александр I уверовал, что для Святой Руси наступил благоприятный момент обратить весь цивилизованный мир к православию. В 1915 году, на пути из Парижа в Вену, он посетил Юнга-Штиллинга, который доживал свои дни в г. Карлсруэ. Во время беседы император спросил его, какая из христианских церквей ближе всего подошла к истинному учению Евангелия. Дипломатичный Штилинг ответил в том смысле, что во всех христианских конфессиях есть что-нибудь положительное, и что дело не в конфессии, а в человеке: хороший человек, с открытым сердцем и возвышенным умом, в любой христианской церкви найдет путь к Богу. Александр, разумеется, таким ответом не удовлетворился и ушел от пророка разочарованным.